

Нельзя быть живым и невиноватым

Наум Ним. Оставь надежду или душу.

М.: «Совершенно секретно». 1997. 5 тыс. экз. 265с.

Общедост. - 1997. - 4-10

Дек. - с. 10.

Даря свою книгу, Наум Ним обычно советует ее не читать. И правильно делает. Прочитав когда-то в «Знамени» его повесть «До петушиного крика» (она вошла в книгу), я три дня не мог толком ни есть, ни спать. Так же реагируют нормальные люди и на «Звезду светлую и утреннюю», опубликованную когда-то в «Континенте», потом отдельным изданием в Германии, а теперь вот увидевшую свет под твердой обложкой на родине автора.

Думаю, Ним написал самую страшную книгу на русском языке за последние лет двадцать, после Шаламова. Но Шаламов сух, телеграфен, весь выморожен. А Ним, начинавший со стихов, экспрессивен и изобразителен, не чуждается откровенного натурализма, и читателю особенно тяжело потому, что никто от всего описанного не застрахован. Такой тюремный и лагерный ад вставал только со страниц габушевского «Одьяна» — книги, о которой (по причине именно этой ужасности) предпочитают сегодня не вспоминать. Не думаю, что и Ним прославится, хотя пишет он отлично. Но не тянет обсуждать чисто художественные достоинства этой прозы, в достаточной степени бесспорные, когда налицо куда более спорный и интересный тезис самого Нима, вынесенный в название книги: надо расста-

ваться либо с надеждой, либо с душой, то есть выбор прост — честь или смерть.

Ним рекомендует всегда выбирать смерть, иначе, доказывает он, крошечная уступка своему животному страху немедленно затащит человека в бездну предательства. Такая бескомпромиссность в повседневной жизни невыносима, но в экстремальных обстоятельствах — единственно возможна. Это столкновение понятной человеческой слабости и абсолютно неразрешимой ситуации проходит через все тексты Нима. Но особенно внятно оно было описано в так и не опубликованной до сих пор повести «Порывами до сильного», где Ним перенес евангельский сюжет в декорации современной зоны. Там он убедительнее всего обосновал свой истинно христианский выбор: если нельзя посвоему, надо — никак. То есть опять-таки следует выбирать смерть. Когда-то с такой же жесткостью это формулировал его земляк Василий Быков в повестях 70-х годов.

Однако за верность себе не будет ни славы, ни снисхождения. Поступать так, а не иначе, по Ниму, следует только потому, что альтернатива еще хуже. В общем, надежды никакой, гарантов тоже, и читатель этой небольшой — на десять издательских листов — книжки чувствует себя ввергнутым в полноценную преисподнюю.

Менее всего эту книгу можно трактовать как протест против бесчеловечных условий содержания в советских (российских) лагерях и тюрьмах. Это в ней тоже есть. Но не в протесте дело, а в той предельной ситуации, которую сиделец, диссидент и правозащитник Ним взял из своего опыта. Тема его — общая вина, отсутствие невиноватых. В принципе, жить с таким мироощущением нельзя. В мировой литературе его, на мой взгляд, отчетливее, честнее всех сформулировал великий поляк Тадеуш Боровский. В России его лучше всего знают по рассказу «У нас в Аушвице» и фильму Анджея Вайды «Пейзаж после битвы». Боровский работал в «Канаде» — так почему-то называлась команда, которая в Освенциме-Аушвице встречала вновь прибывших и потом сортировала их вещи. Он писал буднично, просто и оттого еще более страшно. Он выжил и покончил с собой через три года после окончания войны, двадцати восьми лет от роду. Не мог мирный человек вынести той памяти, с которой спокойно жил ожесточившийся узник. Как с беспощадностью сказал другой отличный писатель, Александр Житинский: «Невозможно быть живым и невиноватым». Но Житинский на этом основании всех оправдывал, а Боровский — нет, он ненавидел себя за то, что

выжил. И погиб в самый благополучный свой год.

Книга Нима — энциклопедия приемов, с помощью которых ломают человека. Она же обучает гипотетического узника простейшим приемам самозащиты, точному знанию закона, основным методам противостояния следователям и тюремной администрации. В «Звезде светлой и утренней» примечателен длиннейший диалог лагерника-антисоветчика с прокурором, и в диалоге этом есть чему поучиться. Тут и веселый цинизм, и хамство в рамках закона, и тысяча полезных буквоедских мелочей, которыми можно сбить спесь с неуязвимого, казалось бы, карателя. Поэтому читать повесть Нима еще и как памятку в принципе нужно всем, кроме отъявленных коррупционеров и самых беспринципных подонков: им у нас, по обыкновению, ничего не грозит. Но уж больно тяжело все это читать. Так что солидаризируюсь с автором и людям со слабыми нервами — не советую. Да и остальным, наверное, ни к чему. Но уже по этим двум повестям потомки наши поймут, что в последнее десятилетие XX века в России были настоящие люди и настоящая проза.

Дмитрий БЫКОВ

Ним
Наум

10.12.97